

© 2011 г. А. П. СИНЕЛОБОВ*

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ГЕНЕАЛОГИИ БОЯРСКОГО РОДА МОРОЗОВЫХ-ТУШИНЫХ В XIV–XV веках

Род бояр Морозовых сыграл заметную роль в российской истории XIV–XVII вв. Морозовы, наряду с другими княжеско-боярскими родами, внесли свой вклад в процесс создания централизованного Московского государства, а позднее занимали ведущие позиции в составе московской элиты. Несмотря на внимание исследователей к истории рода Морозовых в XIV–XV вв., целостного анализа политической деятельности этой фамилии не проводилось. Предметом рассмотрения становились биографии некоторых, преимущественно старших представителей рода, оставивших наиболее заметный след в истории. В общем плане изучена лишь история появления первых представителей рода Морозовых в Москве (70–80-е гг. XIV в.), а также период деятельности Морозовых в конце XV – первой половине XVI в. Учитывая, что активная политическая деятельность одного поколения охватывает 25–30 лет, то фактически жизнь двух поколений людей этого рода остается неизученной.

Род Морозовых относится к числу нетитулованных боярских родов, которые возвысились в составе московской знати с конца XIV в. В это время уже явственно обозначились успехи Московского княжества в деле политического объединения Северо-Восточных русских земель. Хитроумная политика великих московских князей в отношении своих политических конкурентов, победа на Куликовом поле и отражение литовских вторжений способствовали укреплению авторитета Москвы. Эти достижения были связаны с поддержкой служилыми землевладельцами экспансионистского курса московских князей, которые в свою очередь предоставляли своим военным слугам широкие возможности для личного обогащения. Поэтому уже в середине XIV в. на московской службе находилась служилая княжеско-боярская аристократия со всей Руси. В числе этих людей не последнюю роль играли и Морозовы.

Начальная история этого рода реконструируется следующим образом. С.Б. Веселовский, доверяя в целом родословным преданиям, выводил Морозовых из среды новгородского боярства, от соратника великого князя Александра Ярославича Миши Прушанина, который за храбрость в Невской битве (1240) был пожалован в бояре. По мнению Веселовского, первый из Морозовых, Семен, появился в Москве при великом князе Иване Калите не позднее 1341 г.¹ Важным аргументом исследователя является тот факт, что вдова Ивана Семеновича Мороза Анна, судя по «Памяти Петра Константиновича», которая дошла до нас в составе летописных сводов, занимала третье место среди знатных московских боярынь². М.Е. Бычкова более критически отнеслась к свидетельствам родословия; она считает, что Морозовы подделались под новгородский посадничий род, а в Москве они появились только в последней четверти XIV в.³

Основанием для версии о новгородском происхождении рода послужило известие Новгородской первой летописи младшего извода о строительстве Иваном Морозовым в 1413 г. каменной церкви в Новгороде⁴. Известно также, что в церкви Вознесения на Прусской улице в Великом Новгороде были захоронения Морозовых. Однако, по мнению В.Л. Янина, «в родословных книгах было предпринято неправомерное соеди-

* Синелобов Алексей Павлович, кандидат исторических наук, доцент Московского педагогического государственного университета.

нение сведений, относящихся к древнему новгородскому роду, и сведений, относящихся к совершенно иному, московскому боярскому роду, причиной чему послужило отождествление двух разных лиц, носивших одинаковые имена и прозвища»⁵. Янин считает, что версия о новгородском происхождении фамилии появилась по инициативе тех представителей рода Морозовых, которые были новгородскими наместниками в конце XV – начале XVI в. А.А. Зимин согласился с мнением Бычковой о появлении Морозовых в Москве только в последней четверти XIV в., но вместе с этим он поддерживал версию о новгородском происхождении рода и высказал интересное предположение, что «устоявшиеся связи Морозовых с Новгородом, очевидно, и являлись основанием для назначения многих из них на новгородское наместничество»⁶. Гипотеза Зимина требует дополнительных изысканий, поэтому вопрос о происхождении рода Морозовых нельзя считать окончательно решенным. Что же касается времени их появления в Москве, то можно согласиться с точкой зрения Бычковой и Зимина. Построение Веселовского не объясняет, почему ни родоначальника рода Семена, ни его двоих сыновей Ивана и Василия мы не встречаем на страницах летописей, хотя о родоначальниках других крупных московских боярских родов, например о Протасии Вельяминове, Федоре Бяконтее, Иване и Федоре Акинфиевичах, Андрее Кобыле, свидетельства сохранились.

На протяжении XIV–XV вв. Морозовы занимали устойчивое положение в рядах московской знати. Об этом свидетельствует, во-первых, наличие у них собственных дворов на территории Московского Кремля. Дворы Григория Васильевича Попплевина-Морозова, Василия и Ивана Борисовичей Тучко-Морозовых располагались по соседству с великокняжеским дворцом, а также с дворами крупнейших вельмож последней четверти XV в. князей Ивана Юрьевича Патрикеева и Семена Ивановича Ряполовского, а также боярина Андрея Федоровича Челяднина. Около Фроловских ворот располагался двор Ивана Семеновича Морозова⁷.

Вторым важным показателем высокого социально-экономического и политического статуса рода Морозовых являются их родственные связи. Так, с авторитетным боярским родом Кобылиных-Кошкиных Морозовы роднились дважды. Дочь Ивана Борисовича Тучко Ирина стала женой Юрия Захарьевича Кошкина, а Григорий Игнатьевич Козел Морозов женился на младшей дочери боярина Ивана Ивановича Кошкина⁸. Не оставивший сыновей Дмитрий Иванович Морозов свою старшую дочь отдал за Юрия Степановича Бяконтова, внучатого племянника митрополита Алексия, а младшая дочь стала женой Ивана Семеновича Меликова⁹. Женой Семена Борисовича Брюхо Морозова была Евдокия Ивановна, внучка боярина Ивана Дмитриевича Всеволожа¹⁰. На дочери крупного дипломата и хранителя великокняжеской казны Дмитрия Владимировича Ховрина Аграфене был женат Иван Григорьевич Попплевин Морозов¹¹. Во второй половине XV в. Иван Семенович Морозов выдал свою дочь за князя Афанасия Давыдовича Фуника Кемского¹². Третьим существенным признаком высокого положения рода является тесная связь Морозовых с крупнейшими монастырями Московской Руси: Троице-Сергиевым, Чудовым и Симоновым.

Среди важнейших генеалогических характеристик рода Морозовых, которые повлияли на его историческую судьбу, отмечу медленный, но стабильный прирост мужских представителей в каждом новом поколении. По имеющимся данным, у боярина великого князя Дмитрия Ивановича Донского Михаила Ивановича Морозова было 5 сыновей, 16 внуков и 30 правнуков. Ветви его 5 братьев пресеклись вследствие ранней смертности или отсутствия сыновей. Однако это не отразилось на общей численности рода, так как в первой половине XV в. у других 10 представителей фамилии этого поколения рождались сыновья (24 человека). Анализ деятельности Морозовых в целом показал, что многих из них можно считать долгожителями, и не случайно политическая карьера некоторых Морозовых продолжалась по 30–40 лет. Самыми распространенными именами в роду бояр Морозовых были Иван, Василий и Михаил. Подавляющая часть прозвищ связана с физическими данными: Туша, Шея, Слепой, Глухой, Тучко, Брюхо, Шест, Шаст, Шуст, Кожа, Губа. Некоторые прозвища Моро-

зовых были очень распространены в то время, например: Козел, Скрыба, Чеглок. Два брата Михаила получили прозвище Русалка от имени своей матери.

При более подробном рассмотрении состава первых 10 представителей рода Морозовых-Тушиных, живших в XIV в., возникают 2 взаимосвязанные друг с другом проблемы генеалогического плана. Первая из них, связанная со старшей ветвью рода, оставалась как будто незамеченной исследователями. Дело в том, что общепринятое родословие Морозовых расходится с Типографским родословцем, который был составлен в 1490-х гг. и имел отношение к Троице-Сергиеву монастырю. В нем древнейшее поколение сыновей Ивана Семеновича Мороза имеет другую очередность: «Иван Семенович Морозовъ, а сынъ оу него былъ большой Феодоръ, а подъ Феодором Левъ, убили его на Дону, а третьей сынъ Михайло, а четвертой Дмитрей»¹³. Таким образом, на лицо 2 генеалогические легенды, касающиеся сыновей Ивана Семеновича Мороза:

*Летописная и Румянцевская редакции
Родословных книг (1540–1550-е гг.)*

Михаил Иванович
Федор Иванович
Дмитрий Иванович
Лев Иванович
Фурс Иванович
Левкий Иванович

*Родословец Типографской летописи
(1490-е гг.)*

Федор Иванович
Лев Иванович
Михаил Иванович
Дмитрий Иванович

Двух последних сыновей Ивана Семеновича, Фурса и Левкия, Типографский родословец не упоминает. При этом следует отметить, что очередность следующего поколения, т.е. поколения сыновей Федора и Михаила Ивановичей в Типографском родословце и в Летописной и Румянцевской редакциях родословных книг полностью совпадает. Деятельность этих Морозовых пришлась на первую половину XV в. и значительно полнее отражена источниками, нежели жизнь их отцов, поэтому представляется возможным проверить и разрешить имеющиеся разногласия источников. Для этого потребуется привести продолжение родословной рода Морозовых, которая уже не имеет существенных разночтений в источниках (см. Приложение).

Историки, не учитывавшие показания Типографского родословца, не обратили внимания на тот факт, что Михаил Иванович не мог быть старшим сыном Ивана Семеновича Мороза. Он был отмечен в летописях в 1382 г. как боярин великого князя Дмитрия Ивановича Донского. Сыновья Михаила появились в источниках только через 50 с лишним лет. Так, Василий Слепой и Игнатий Михайловичи перед 1440 г. выступили послухами в купчей грамоте князя Дмитрия Юрьевича Красного на села Присеки и Воробьевское в Бежецком уезде¹⁴, а Василий Михайлович Шея отмечен как один из сторонников великого князя Василия Васильевича в годы феодальной войны¹⁵. При этом ни Михаил Иванович, ни его сыновья не попали в число бояр – заверителей духовных грамот великих князей Дмитрия Ивановича и Василия Дмитриевича. Вплоть до середины 1430-х гг. источники не упоминают о Морозовых, которые бы служили великим князьям Василию Дмитриевичу и Василию Васильевичу. Какими же факторами можно объяснить этот факт?

Ситуация становится понятной, если принять во внимание сообщение Типографского родословца о том, что старшим братом Михаила Ивановича был именно Федор. Старший сын Федора боярин Семен Федорович сделал головокружительную карьеру при дворе великого князя Юрия Дмитриевича Звенигородского и впервые упоминается в источниках еще в 1390-х гг.¹⁶ Младший брат Семена Михаил Федорович, который вовсе не упоминается в родословцах, назван в Тверском сборнике в числе бояр, оборонявших Москву при набеge хана Едигея в 1408 г. Вместе с Михаилом Федоровичем в осаде находился видный боярин великого князя Василия I Дмитрий Васильевич¹⁷. Старшая дочь боярина Дмитрия Васильевича была женой боярина Федора Константиновича Симского-Добрынского, который впервые упоминается в летописи в 1429 г.,

а в 1445 г. погиб в бою под Суздалем. Вторая дочь Дмитрия Васильевича была женой старшего сына Михаила Ивановича Морозова Василия Слепого¹⁸.

Если согласиться с общепринятой генеалогической схемой Морозовых, то получается парадоксальная картина: бояре Семен Федорович (1392) и Михаил Федорович (1408) оказываются моложе своего двоюродного брата Василия Слепого (1440), который не был великокняжеским боярином. На самом же деле братья Михайловичи не могли быть старше братьев Федоровичей. В 1410–1420-х гг. они не смогли конкурировать с последними при дворе и ушли в тень, а обошли их только в 1430–1440-х гг., когда боярин Семен Федорович был уже убит, а двор умершего великого князя Юрия Дмитриевича Звенигородского распался. Поэтому Василий Михайлович и Игнатий Михайлович Морозовы служили наследнику князя Юрия Дмитриевича Звенигородского князю Дмитрию Юрьевичу Красному.

Михаил не мог быть и вторым сыном Ивана Семеновича Мороза. В Типографском родословце таковым указан Лев Иванович, который погиб в Куликовской битве 1380 г.¹⁹ Наиболее ранний список погибших, помещенный в Рогожском летописце, называет Льва без отчества в отличие от бояр Вельяминовых, Акинфовичей и Валуевых. По родовому преданию, вместе со Львом погибли его дядя Юрий и Федор Елизаровичи из линии Вешняковых, не попавшие в основную родословную²⁰. Поскольку Лев Иванович был указан без потомства, можно предположить, что в 1380 г. он был еще молод, хотя в битве с Мамаем занимал пост воеводы в Передовом полку²¹. Значит, следовавший за ним Михаил был еще моложе, что вполне соотносится с данными источников, которые сообщают о деятельности Михайловичей ближе к середине XV в. После гибели старшего брата Михаил выдвинулся при великокняжеском дворе. Не случайно в 1382 г. он получил важное задание отправиться в Тверь за митрополитом Киприаном, бежавшим из Москвы во время набега хана Тохтамыша²². Подчеркну, что в рассказе об этой поездке в Троицкой летописи Михаил назван вторым после боярина Семена Тимофеевича Протасьева и, замечу, без отчества²³. Младшим братом Михаила Ивановича, согласно Типографскому родословцу, был Дмитрий Иванович Морозов. Он не оставил сыновей, но у него были 2 дочери. Данные об их дальнейшей судьбе усиливают мою аргументацию в реконструкции подлинного родословия Морозовых. Старшая дочь Дмитрия стала женой митрополичьего боярина Юрия Степановича Бяконта, который был жив еще в 1450 г. и находился на службе у Московского митрополита Ионы. Младшая дочь стала женой Ивана Семеновича Мелика²⁴.

Таким образом, боярин Михаил Иванович Морозов и его 5 сыновей занимают в родословной схеме место выше боярина Федора Ивановича и его сына Семена Федоровича (и, вероятно, Михаила Федоровича). Позднейшая интерпретация генеалогических сведений была произведена в первой половине XVI в., когда составлялись Летописная и Румянцевская редакции родословных книг. К этому времени потомки Михаила занимали ключевые позиции в составе московской знати. При великом князе Василии III Иван и Василий Григорьевичи Поплевины-Морозовы и Михаил Васильевич Тучко были окольничими, Андрей Михайлович Салтыков оружничим, а Семен Борисович Брюхо постельничим²⁵. В этой связи не лишним будет добавить, что инициаторами легенды о новгородском происхождении своего рода были потомки именно Михаила Ивановича Морозова. Произошло это в 1480–1520-х гг., когда действовали внуки и правнуки Михаила: Поплевины, Козловы, Салтыковы, Скрябины, Тучковы, Брюховы и Шейны. В соответствии со схемой, представленной в Приложении, потомками Михаила являлись все 53 представителя рода за исключением бездетного Ивана Семеновича (1/2/1/1/1). Поэтому при составлении родословных росписей в середине XVI в. оспорить старшинство потомков Михаила Морозова было некому. В этой связи замечу, что боковые родичи Вешняковы пытались причислить свой род к основному древу Морозовых, что вызвало протест со стороны последних, и поэтому Вешняковы не попали в Государев родословец, составленный около 1555 г. Таким образом, соответствующее исторической действительности высокое положение потомков Михаила

Морозова в середине XVI в. было усилено легендой о старшинстве их прямого предка Михаила Ивановича в конце XIV – начале XV в.

Вторая проблема генеалогии рода Морозовых связана с его младшей ветвью. Дело в том, что ее представители Филимоновы-Тушины уже в XV в. определили по возрастной синхронизации своих боковых сверстников из старшей ветви. Поэтому еще С.Б. Веселовский сомневался в том, что Иван Мороз и Василий Туша были братьями²⁶. Такое противоречие прослеживается на основании следующих данных. В 1435 г. великий князь Василий Васильевич выдал тарханно-несудимую грамоту Михаилу Яковлевичу «с детьми», которого Веселовский отождествил с Михаилом Яковлевичем Русалкой Морозовым²⁷. В грамоте говорится о том, что переяславские села были даны предкам Михаила Яковлевича на основании грамот прежних великих князей, начиная с Ивана Калиты. Есть основания подвергнуть сомнению не только предложенную Веселовским идентификацию, но и подлинность самого источника. Во-первых, в грамоте нет прямого указания ни на фамилию Филимоновых-Морозовых, ни на прозвище Русалка. Во-вторых, ссылка на пожалование предыдущих великих князей не характерна для грамот этого времени частным вотчинникам, а чаще всего она встречается в жалованных грамотах духовно-корпоративным собственникам. В-третьих, в грамоте вместо перечня населенных пунктов, на которые должно распространяться действие феодального иммунитета, содержится только общее обозначение «села въ Кинеле и в Городском уезде». Действительно, Морозовы владели землями в Кинельском стане Переяславского уезда, но только не младшая ветвь, к которой принадлежал Русалка, а старшая ветвь потомков Григория Поплевы Морозова. Еще одним важным аргументом является несообразность хронологии грамоты 1435 г. с деятельностью Михаила Яковлевича Русалки Морозова.

Отец Михаила, боярин и дворецкий великого князя Юрия Дмитриевича Звенигородского, Яков Константинович Жест был упомянут в летописи в 1434 г.²⁸ После смерти своего покровителя Яков Жест служил его детям. По крайней мере, около 1440 г. Жест вместе с родичами Василием Слепым и Игнатием Михайловичами выступил послухом в купчей грамоте князя Дмитрия Юрьевича Красного на села Присеки и Воробьевское в Бежецком уезде²⁹. Не вызывает сомнений, что великокняжеская власть в 1435 г. не могла жаловать привилегии Русалке Морозову еще при жизни его отца, который находился на службе у князя Дмитрия Юрьевича Красного, союзника великого князя Василия Васильевича.

В летописях Михаил Яковлевич Русалка впервые отмечен в 1446 г. Он и его родич Семен Филимонов поддержали отстраненного от власти Василия Темного³⁰. Пик политической карьеры Михаила Яковлевича пришелся уже на 1470-е – начало 1480-х гг., когда он занимал влиятельную должность великокняжеского дворецкого. Осенью 1475 г. и в октябре 1480 г. Русалка в составе великокняжеского двора ездил в Великий Новгород³¹. В 1483 г. его двор вместе с дворами двоюродных братьев Тучковых был распущен³². Во время поездки великого князя в Великий Новгород в 1495 г. Михаил Яковлевич находился в свите, но уже не как дворецкий, а как боярин³³. 15 февраля 1495 г. Михаил Яковлевич Русалка с другими вельможами приехал в Вильну сопровождать великую княгиню Елену³⁴. Умер Михаил Яковлевич около 1500 г. Таким образом, диапазон его политической деятельности охватывает период с 1446 по 1500 г., Михаил прожил не менее 70 лет. Возраст весьма почтенный для того времени, особенно если учитывать, что Русалка выполнял все поручения великого князя вплоть до своей смерти.

Связывать адресата грамоты 1435 г. с Михаилом Русалкой не позволяет еще один аргумент. Жалованная грамота была дана Михаилу Яковлевичу «с детьми». Если речь идет о его собственных детях, значит дата его рождения определяется не позднее 1415 г., что делает возраст Русалки чересчур преклонным (более 80 лет). Трактовать «детей» как представителей родовой корпорации нельзя, поскольку в 1435 г. существовали старшие по возрасту и выше по положению Морозовы. Известие родословия о существовании двух Михайлов Яковлевичей не разрешает вопроса, поскольку

в источниках не указывается необходимая в подобных случаях приставка Большой или Меньшой. Поэтому полагаю, что Русалка начал свою политическую деятельность в 1446 г., причем в это время он был еще совсем молодым человеком. Не случайно в бурных событиях 1446 г. вместе с Михаилом Яковлевичем Русалкой действовал его родич Семен Филимонов, который, согласно родословию, приходился родным братом деда Михаила Яковлевича.

Приведенный материал отчетливо показывает, что на достоверность родословных росписей оказывало влияние реальное положение представителей рода при великокняжеском дворе в момент их составления. Морозовых первой половины XVI в. мало волновала подлинная расстановка их предков в XIV в., перед ними стояли более важные задачи. При великом князе Иване III положение Морозовых при дворе было противоречивым. Они проявили завидную политическую активность в казанских и новгородских походах, поэтому двое Морозовых добились боярства, а один занимал пост великокняжеского дворецкого. Однако великий князь не забывал о двоякой позиции этого рода в годы феодальной войны, поэтому его отношение к Морозовым нельзя назвать доверительным. В 1483–1484 гг. некоторых Морозовых постигла опала, дворы их послужильцев были распушены, и на несколько десятилетий представители этого рода оказались отстранены от участия в работе Боярской думы.

После 1480-х гг. восстанавливать свое положение при дворе Морозовым было очень непросто. Вследствие динамичности объединительного процесса и включения в ряды аристократии многочисленных представителей русско-литовских княжеских фамилий в конце XV – начале XVI в. резко увеличился градус соперничества при великокняжеском московском дворе. Наметившаяся в это время тенденция аристократизации состава Боярской думы только усложняла положение кандидатов из числа нетитулованных родов, к которым принадлежали и Морозовы. На протяжении многих лет потомки Михаила Ивановича Морозова кропотливо продвигались по лестнице чинов и стали боярами только в конце 1520-х – начале 1530-х гг. Не случайно в материалах, отражающих местническую практику, Морозовы появились только со второй половины 1540-х гг. Одним из способов восстановления своего пошатнувшегося положения и была интерпретация ими генеалогических сведений. Что же касается представителей младшей ветви рода, то они растворились в многочисленной массе служилых помещиков.

Приложение

Родословие Морозовых-Тушиных

Первое колено (1340–1350-е гг.)

1* Семен Михайлович

Второе колено (1350–1370-е гг.)

1/1 Иван Семенович Мороз

1/2 Василий Семенович Туша

Третье колено (1380–1400-е гг.)

1/1/1 Михаил Иванович

1/1/2 Федор Иванович

1/1/3 Дмитрий Иванович

1/1/4 Лев Иванович

1/1/5 Фурс Иванович

1/1/6 Левкий Иванович

1/2/1 Филимон Васильевич Туша

Четвертое колено (1400–1450-е гг.)

1/1/1/1 Василий Михайлович Слепой

1/1/1/2 Игнатий Михайлович

1/1/1/3 Давыд Михайлович

* Цифровой шифр обозначает родственные связи Морозовых-Тушиных: последняя цифра в шифре указывает на место представителя рода в потомстве его отца; остальные цифры соответствуют шифру его отца в родословной росписи.

1/1/1/4 Борис Михайлович
1/1/1/5 Василий Михайлович Шея
1/1/2/1 Семен Федорович
1/2/1/1 Иван Филимонович
1/2/1/2 Семен Филимонович
1/2/1/3 Константин Филимонович
1/2/1/4 Иван Меньшой Филимонович

Пятое колено (1460–1490-е гг.)

1/1/1/1/1 Григорий Васильевич Поплева
1/1/1/2/1 Иван Игнатьевич Большой Глухой
1/1/1/2/2 Григорий Игнатьевич Козел
1/1/1/2/3 Петр Игнатьевич
1/1/1/2/4 Михаил Игнатьевич Салтык
1/1/1/2/5 Иван Игнатьевич Меньшой Глухой
1/1/1/2/6 Тимофей Игнатьевич Скрыба
1/1/1/3/1 Иван Давидович Мурадин
1/1/1/3/2 Дмитрий Давидович
1/1/1/3/3 Алексей Давидович
1/1/1/4/1 Василий Борисович Тучко
1/1/1/4/2 Иван Борисович Тучко
1/1/1/4/3 Семен Борисович Брюхо
1/1/1/4/4 Федор Борисович Брюхо
1/1/1/5/1 Дмитрий Васильевич
1/1/1/5/2 Семен Васильевич Батат
1/1/2/1/1 Иван Семенович
1/2/1/1/1 Иван Иванович Чеглок
1/2/1/1/2 Григорий Иванович
1/2/1/2/1 Иван Семенович Шуст
1/2/1/2/2 Глеб Семенович
1/2/1/2/3 Василий Семенович Губа
1/2/1/2/4 Леваш Семенович
1/2/1/3/1 Яков Константинович Жест

Шестое колено (1490–1530-е гг.)

1/1/1/1/1/1 Иван Григорьевич
1/1/1/1/1/2 Василий Григорьевич
1/1/1/1/1/3 Яков Григорьевич
1/1/1/1/1/4 Григорий Григорьевич
1/1/1/1/1/5 Роман Григорьевич
1/1/1/2/2/1 Кузьма Григорьевич Козел
1/1/1/2/2/2 Иван Григорьевич Козел
1/1/1/2/4/1 Андрей Михайлович
1/1/1/2/4/2 Игнатий Михайлович
1/1/1/2/4/3 Иван Михайлович
1/1/1/2/4/4 Василий Михайлович
1/1/1/2/5/1 Борис Иванович
1/1/1/2/6/1 Иван Тимофеевич
1/1/1/2/6/2 Михаил Тимофеевич
1/1/1/3/1/1 Петр Иванович Кожа
1/1/1/3/2/1 Петр Дмитриевич
1/1/1/3/2/2 Яков Дмитриевич
1/1/1/3/2/3 Григорий Дмитриевич
1/1/1/3/2/4 Константин Дмитриевич Владыка
1/1/1/3/2/5 Иван Дмитриевич Голочел
1/1/1/3/2/6 Василий Дмитриевич
1/1/1/3/2/7 Андрей Дмитриевич Серко
1/1/1/3/3/1 Василий Алексеевич Слепой
1/1/1/3/3/2 Федор Алексеевич
1/1/1/4/1/1 Михаил Васильевич Тучко
1/1/1/4/2/1 Василий Иванович Тучко

1/1/1/4/3/1 Иван Семенович
 1/1/1/5/1/1 Юрий Дмитриевич Шеин
 1/1/1/5/1/2 Василий Дмитриевич Шеин
 1/1/1/5/1/3 Иван Дмитриевич Шеин
 1/2/1/2/1/1 Иван Иванович Шаст
 1/2/1/2/1/2 Михаил Иванович Шест
 1/2/1/2/2/1 Осан Глебович
 1/2/1/3/1/1 Михаил Яковлевич Большой Русалка
 1/2/1/3/1/2 Михаил Яковлевич Меньшой Русалка

Примечания

- ¹ *Веселовский С.Б.* Очерки по истории московского боярства // Подмосковье в древности. М., 2002. С. 86.
- ² ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 232.
- ³ *Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 137–138.
- ⁴ ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 404.
- ⁵ *Янин В.Л.* К вопросу о происхождении Морозовых // История и генеалогия. М., 1977. С. 195.
- ⁶ *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 235.
- ⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее – ДДГ). М., 1950. № 86. С. 347; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. (далее – АСЭИ). Т. 2. М., 1958. № 150. С. 87.
- ⁸ История родов русского дворянства. Т. 2. М., 1991. С. 302–303; Редкие источники по истории России. Вып. 2 (Далее – РИИР). М., 1977. С. 153; ПСРЛ. Т. 23. М., 2004. С. 154; Т. 20. М., 2004. С. 261.
- ⁹ РИИР. С. 124.
- ¹⁰ ПСРЛ. Т. 24. С. 230.
- ¹¹ Акты Русского государства 1505–1526 гг. (далее – АРГ). М., 1975. № 223. С. 225–226.
- ¹² РИИР. С. 62–63.
- ¹³ ПСРЛ. Т. 24. С. 231.
- ¹⁴ АСЭИ. Т. 1. М., 1952. № 163. С. 119–120.
- ¹⁵ ПСРЛ. Т. 23. С. 148, 152.
- ¹⁶ 25 сентября 1392 г. С.Ф. Морозов передал властям Троице-Сергиева монастыря часть своих варниц у Соли Галичской (АСЭИ. Т. 1. № 3. С. 27).
- ¹⁷ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 483.
- ¹⁸ Там же. Т. 24. С. 232.
- ¹⁹ Там же. Т. 15. Стб. 140; Т. 18. М., 2007. С. 130; Т. 23. С. 126; Т. 4. М., 2000. С. 81; Т. 16. М., 2000. Стб. 116; Т. 25. М., 2004. С. 204.
- ²⁰ *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии... С. 236.
- ²¹ РИИР. С. 62–63, 120.
- ²² ПСРЛ. Т. 18. С. 133–134; Т. 23. С. 129; Т. 25. С. 210; Т. 15. Стб. 147.
- ²³ *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 425.
- ²⁴ РИИР. С. 122; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 140; Т. 18. С. 130; Т. 23. С. 126; Т. 4. С. 81; Т. 16. Стб. 116; Т. 25. С. 204.
- ²⁵ ПСРЛ. Т. 6. М., 2001. С. 52–53; Т. 8. М., 2001. С. 247–248; Разрядная книга 1475–1598 гг. (далее – РК). М., 1966. С. 44; *Зимин А.А.* Россия на пороге Нового времени. Очерки политической истории первой трети XVI в. М., 1972. С. 145.
- ²⁶ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 197–198.
- ²⁷ АСЭИ. Т. 1. № 117. С. 93.
- ²⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 251; Т. 18. С. 174.
- ²⁹ АСЭИ. Т. 1. № 163. С. 119–120.
- ³⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 267; Т. 18. С. 199–200; Т. 6. С. 174–175.
- ³¹ РК. С. 17, 19.
- ³² ПСРЛ. Т. 23. С. 162.
- ³³ РК. С. 24.
- ³⁴ ПСРЛ. Т. 12. С. 239.